

Я-КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ РЕЛИГИОЗНОГО ФАНАТИЗМА

© 2019

Е.С. Гусева, старший преподаватель кафедры социальной психологии, аспирант
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара (Россия)
Волгоградский государственный университет, Волгоград (Россия)

А.Ю. Чернов, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии
Волгоградский государственный университет, Волгоград (Россия)

Ключевые слова: Я-концепция; религиозный фанатизм; гендерные особенности; социальная идентичность; самоотношение; социальное поведение.

Аннотация: Задачу эффективной психологической профилактики религиозного фанатизма невозможно решить без всестороннего изучения психологических особенностей фанатической религиозной личности.

На сегодняшний день проблема религиозного фанатизма представляется важной и существенной, что подтверждает большое количество научных работ и конференций по данной тематике. С другой стороны, фактически отсутствуют эмпирические исследования, направленные на изучение личности и поведения религиозного фанатика.

На наш взгляд, именно описание Я-концепции фанатически настроенного верующего поможет пролить свет на специфику его когнитивной и эмоциональной сферы. И, что представляется особенно важным, именно Я-концепция, как совокупность всех представлений личности о самой себе, включая эмоциональную оценку себя, является основным регулятором мотивационно-поведенческой сферы человека.

В работе описано эмпирическое исследование Я-концепции религиозной личности с разным уровнем религиозного фанатизма. В качестве метода изучения Я-концепции использовались тест М. Куна «Кто Я?» и методика исследования самоотношения С.Р. Панталева. Уровень религиозного фанатизма определялся с помощью опросника Е.С. Гусевой и А.Ю. Чернова. Респонденты – мужчины и женщины православного вероисповедания.

Результаты показали, что с повышением уровня религиозного фанатизма верующие всё меньше идентифицируют себя с семейной и учебно-профессиональной социальными ролями. Для мужчин это оказалось более характерно, чем для женщин. С повышением уровня фанатизма верующие реже воспринимают себя в контексте какой-либо деятельности.

Выявленные особенности эмоционально-оценочного компонента Я-концепции верующих позволили описать три типа Я-концепции в зависимости от степени проявления религиозного фанатизма. Я-концепцию религиозной личности с низким уровнем фанатизма можно условно обозначить как «уверенную честную», со средним уровнем фанатизма – как «неуверенную честную», с высоким уровнем фанатизма – как «уверенную нечестную».

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире не утихают межнациональные и межконфессиональные конфликты. Социальное неравенство во многих регионах мира и бедственное положение их жителей вынуждают незащищенные слои населения остро реагировать на агрессивные условия социальной среды [1]. У верующих такая реакция зачастую проявляется в фанатическом социальном поведении. Можно согласиться с тем, что, с одной стороны, религиозный фанатизм инициируется и направляется всевозможными международными политическими силами, с другой стороны, неправильным будет здесь игнорировать и личностный фактор – внушаемость и психологическую незрелость религиозного фанатика.

Изучением личностных особенностей религиозного фанатика занимается научная психология. Мы убеждены, что условием эффективной работы на всех уровнях психологической профилактики данного явления служит всестороннее исследование психологических особенностей фанатической религиозной личности. Поэтому мы считаем необходимым сосредоточиться в первую очередь на изучении Я-концепции религиозного фанатика.

Я-концепция является не только основным регулятором мотивационно-поведенческой сферы личности. Это целостное структурное образование, затрагивающее все основные слои психики: когнитивный, эмоциональный и поведенческий [2–4]. Соответственно, ис-

следуя Я-концепцию личности с высоким уровнем религиозного фанатизма, можно наиболее целостно и полно описать эту личность.

На сегодняшний день накоплено достаточное количество философских и психологических теорий и гипотез на тему Я-концепции религиозного фанатика, что указывает на актуальность данной научной проблемы. С нашей точки зрения, большинство имеющихся описаний Я-концепции, а также самосознания фанатической религиозной личности можно условно разделить на две группы. К первой группе в основном относятся описания слабой рефлексивной способности фанатика и потери им индивидуальности. Так, с точки зрения О.В. Звягинцевой и О.Н. Усатенко, религиозный фанатик теряет способность воспринимать себя как индивидуальность: у него развито только чувство «Мы», стирающее границы между ним и религиозной группой, ради которой он и жертвует собственной личностью [5; 6]. Э. Хоффер называет это «отчуждением личности» [7], К. Маримаа – «слиянием с объектом преданности» [8]. Многие авторы отмечают слабую рефлексивную способность фанатика, а значит, игнорирование им внутреннего конфликта в себе самом [8–11]. В связи с недостаточным развитием у фанатика рефлексии, В.А. Мазиллов предлагает в качестве одной из мер профилактики экстремизма и терроризма, являющихся следствием религиозного фанатизма, «расширение самосознания» [12]. Однако, несмотря на неспособность фанатика к принятию

внутренних конфликтов, психологами в виде исключения констатируется крайняя степень осознания им конфликта со своей сексуальностью в том случае, если религия табуирует сексуальные удовольствия [10; 13].

Вторая группа теоретических описаний Я-концепции фанатика касается его самооценки. Следует отметить, что именно по вопросу эмоциональной оценки фанатиком самого себя существуют разногласия. Одни авторы подчеркивают развитое чувство неполноценности фанатика, его неуверенность в себе [7; 14; 15; 16], другие авторы делают акцент на его мании величия, идее избранности и мессианства [17–19] или же на чувстве наполненности и удовлетворенности [20]. Данное несоответствие, на наш взгляд, легко объясняется теорией А. Адлера, согласно которой комплекс неполноценности и комплекс превосходства – это две стороны одной медали [21].

Важно отметить, что повышенное внимание к данной проблематике проявляется в теоретическом аспекте, до сих пор теория не была подкреплена опытом эмпирических исследований. По нашему мнению, именно этот факт объясняет наличие противоречий в теоретических описаниях фанатической религиозной личности.

Цель работы – выявление содержательных особенностей Я-концепции личности с разным уровнем религиозного фанатизма.

Объект исследования – Я-концепция личности с разным уровнем религиозного фанатизма.

Предмет исследования – особенности Я-концепции личности с разным уровнем религиозного фанатизма.

Мы выдвинули следующую гипотезу: содержание Я-концепции личности детерминируется уровнем ее религиозного фанатизма.

ВЫБОРКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Респондентами являются 129 человек в возрасте от 17 до 68 лет православного вероисповедания – прихожане православных храмов города Самары. Гендерное соотношение респондентов: мужчины – 54 человека, женщины – 75 человек. По возрастному критерию численность респондентов примерно одинакова: юношеский возраст (17–19 лет) – 30 человек; ранняя зрелость (20–40 лет) – 35 человек; средняя зрелость (40–60 лет) – 34 человека; поздняя зрелость (от 60 лет) – 30 человек.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Опираясь на работы [2; 22; 23], мы рассматривали Я-концепцию как структуру, состоящую из описательного и эмоционально-оценочного компонентов. Поэтому в исследовании мы сначала выявляли особенности описательного, а затем эмоционально-оценочного компонента Я-концепции респондентов.

В качестве метода исследования описательной составляющей Я-концепции был выбран тест М. Куна «Кто Я?» (модификация Т.В. Румянцевой) [24], эмоционально-оценочной составляющей – методика исследования самоотношения С.Р. Панталева [25]. Для определения уровня религиозного фанатизма использовался опросник Е.С. Гусевой и А.Ю. Чернова, религиозный фанатизм в котором понимается как социально-психологическая характеристика личности, связанная с фиксацией этой личности на конкретной религиозной

идее, четким разделением социального окружения на сторонников и противников этой идеи, проявляющаяся в стремлении переделать мир с применением насильственных методов воздействия, направленных либо на других членов общества, либо на самого себя [26].

Математическая обработка первичных данных производилась с помощью программного пакета IBM SPSS Statistics 22.0 с использованием U-критерия Манна – Уитни, а также кластерного анализа.

АНАЛИЗ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ

Проверка выборки на нормальность распределения показала, что почти все измеряемые нами переменные не подчиняются закону нормального распределения (таблица 1).

Таблица 1. Проверка выборки на нормальность распределения

Переменные	W	p
Фанатическое сознание	0,98*	0,03231
Фанатические эмоциональные переживания	0,99	0,50107
Фанатическое поведение	0,98*	0,03445
Экстравертный фанатизм	0,95*	0,00020
Интровертный фанатизм	0,97*	0,00457
Общий уровень фанатизма	0,98	0,08401
Открытость	0,96*	0,00067
Самоуверенность	0,96*	0,00047
Саморуководство	0,97*	0,00271
Зеркальное Я	0,96*	0,00073
Самоценность	0,96*	0,00104
Самопринятие	0,97*	0,00258
Самопривязанность	0,93*	0,00001
Внутренняя конфликтность	0,95*	0,00021
Самообвинение	0,94*	0,00004

Примечание: * отмечены W-критерии тех переменных, которые не подчиняются закону нормального распределения.

Кластерный анализ позволил выделить внутри общей выборки три кластера с разным уровнем религиозного фанатизма. В первый кластер вошли респонденты, набравшие по уровню религиозного фанатизма в среднем 28,73 балла (22 человека). Во второй кластер – респонденты, набравшие в среднем 49,47 балла (51 человек). В третий кластер – респонденты, набравшие в среднем 69,21 балла (56 человек). Первый кластер составили 15 % мужчин с уровнем фанатизма 22,8 балла и 18 % женщин с уровнем фанатизма 32 балла. Во втором кластере оказались 35 % мужчин (показатель уровня фанатизма 48,6 балла) и 42 % женщин (50 баллов). Третий кластер составили 50 % мужчин (68,8 балла) и 40 % женщин (69,6 балла).

Таким образом, в первый кластер вошли верующие с самым низким уровнем фанатизма, во второй кластер –

со средним уровнем фанатизма, в третий – с самым высоким уровнем фанатизма в выборке.

Уровень каждого из компонентов в структуре религиозного фанатизма: когнитивного (фанатическое сознание), эмоционального (фанатические эмоциональные переживания) и поведенческого, включая экстравертное и интровертное фанатическое поведение, определялся на основе минимальных и максимальных значений (таблица 2). Затем при помощи содержательного анализа выделенных кластеров мы определили соотношение когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов религиозного фанатизма в каждом из кластеров (таблица 3).

Таким образом, первому кластеру соответствуют низкие показатели фанатического сознания, фанатических эмоциональных переживаний, фанатического поведения в целом, а также экстравертного фанатического поведения и средние показатели интровертной формы фанатического поведения. Второму кластеру соответствуют средние показатели всех структурных компонентов религиозного фанатизма. Третьему кластеру соответствуют высокие показатели выраженности фанатического сознания и фанатического поведения в целом. При этом для третьего кластера характерны средние показатели фанатических эмоциональных переживаний, а также экстравертной и интровертной формы фанатического поведения. Данный результат свидетельствует о том, что для фанатической религиозной личности не характерно преобладание какой-то одной из форм социального поведения: социального насилия или социальной изоляции.

Тот факт, что в каждом кластере наблюдается средний уровень интровертного фанатизма, свидетельствует о том, что для православного верующего в принципе характерен некоторый средний уровень социальной изоляции. Например, это может выражаться в стремлении верующего посещать общину при храме, в которой поддерживается особый образ жизни, держаться сообщая с другими верующими и соблюдать некоторую дис-

танцию при взаимодействии с не разделяющими его веру людьми.

Обработка данных с использованием *U*-критерия Манна – Уитни показала отсутствие различий в выраженности показателей общего уровня религиозного фанатизма (всей совокупности показателей структурных составляющих фанатизма), а также его структурных составляющих в отдельности между всеми женщинами и всеми мужчинами в выборке ($U=1867,5$, при $p>0,05$). Только внутри первого кластера удалось обнаружить значимое преобладание общего уровня фанатизма у женщин ($U=16,0$, при $p<0,05$). В группе с низким уровнем фанатизма (кластер 1) женщины превосходят мужчин в выраженности фанатического сознания ($U=22$, при $p<0,05$), фанатического поведения ($U=26,5$, при $p<0,05$) и экстравертного фанатизма ($U=24$, при $p<0,05$). Предположительно, такой результат мы могли бы объяснить большей религиозностью женщин [27]. Во втором кластере гендерных различий в выраженности составляющих фанатизма не обнаружено. Но можно отметить, что на уровне тенденции женщины второго кластера, то есть женщины со средним уровнем фанатизма, более предрасположены к фанатическим эмоциональным переживаниям, чем мужчины второго кластера, то есть чем мужчины со средним уровнем фанатизма ($U=213,5$, при $p=0,078$). В кластере 3 (самый высокий уровень фанатизма), напротив, у мужчин сильнее развито фанатическое поведение в целом ($U=252,5$, при $p<0,05$), а также отдельно экстравертный ($U=264,5$, при $p<0,05$) и интровертный фанатизм ($U=225,5$, при $p<0,01$). У женщин третьего кластера опять-таки на уровне тенденции преобладают фанатические эмоциональные переживания ($U=286$, при $p=0,084$). Это говорит о том, что для мужчин с высоким уровнем фанатизма более, чем для женщин с высоким уровнем фанатизма, характерно проявление своего фанатического мировоззрения в поведении. Это относится не только к фанатическому поведению, представляющему собой социальную

Таблица 2. Минимальные и максимальные числовые значения компонентов религиозного фанатизма

Компоненты религиозного фанатизма	Valid N	Mean	Minimum	Maximum	Std.Dev.
Фанатическое сознание	129	16,4	1	29	6,3
Фанатические эмоциональные переживания	129	17,4	1	32	6,2
Фанатическое поведение	129	20,7	4	32	5,7
Экстравертный фанатизм	129	3,4	0	9	2,2
Интровертный фанатизм	129	4,8	0	9	2,2

Таблица 3. Содержательный анализ кластеров с разным уровнем религиозного фанатизма

Кластер	Уровень отдельных параметров фанатизма				
	Сознание	Эмоции	Поведение	Экстравертный фанатизм	Интровертный фанатизм
1	низкий	низкий	низкий	низкий	средний
2	средний	средний	средний	средний	средний
3	высокий	средний	высокий	средний	средний

изоляция, но и к прямому агрессивному поведению, направленному на окружающих.

При помощи методики М. Куна исследовалась описательная составляющая Я-концепции респондентов, включающая в себя социальные роли и индивидуальные характеристики. Первичные результаты, полученные с использованием методики М. Куна, представлены на рис. 1 и рис. 2.

Математический анализ показал преобладание количества социальных ролей у верующих с самым низким уровнем фанатизма над количеством социальных ролей у верующих с наиболее высоким уровнем фанатизма в выборке ($U=254,5$, при $p=0,036<0,05$). При этом не было обнаружено статистически значимой разницы в количестве индивидуальных характеристик в разных кластерах ($U=335,5$, при $p=0,4154>0,05$).

Прежде всего, были получены гендерные различия по всей выборке в целом в выраженности семейной

роли: у женщин она выражена больше, чем у мужчин ($U=1242,5$, при $p=0,0002<0,01$). При этом не обнаружено гендерных различий в выраженности социальных ролей у лиц с самым низким уровнем фанатизма (кластер 1). В группе респондентов со средним уровнем фанатизма (кластер 2) на уровне тенденции у женщин семейная роль более выражена, чем у мужчин ($U=207$, при $p=0,059$). В группе с высоким уровнем фанатизма (кластер 3) женщины превосходят мужчин в освоении семейной ($U=217,5$, при $p=0,004<0,01$) и учебно-профессиональной роли ($U=261$, при $p=0,032<0,05$). Полученное преобладание семейной роли у женщин можно объяснить тем, что разделение гендерных ролей, характерное для мировоззрения православного верующего, с ростом религиозного фанатизма все больше поляризуется. Низкие показатели учебно-профессиональной роли у мужчин с высоким уровнем фанатизма

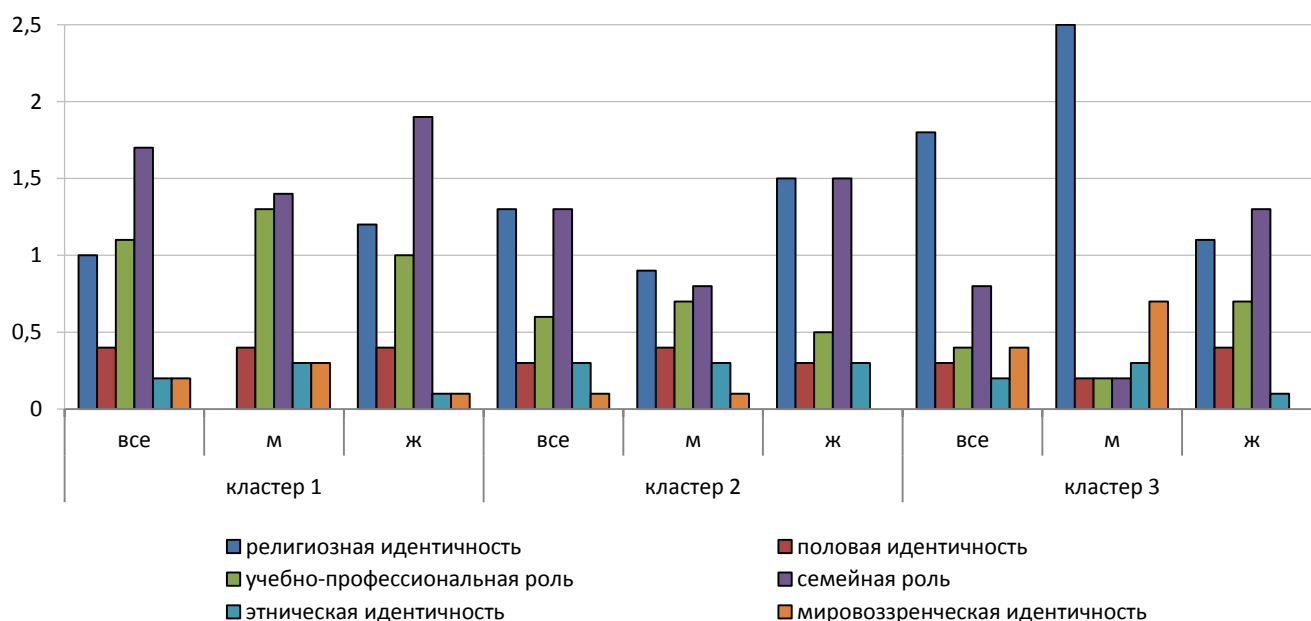

Рис. 1. Сводный график средних значений выраженности социальных ролей в выборке

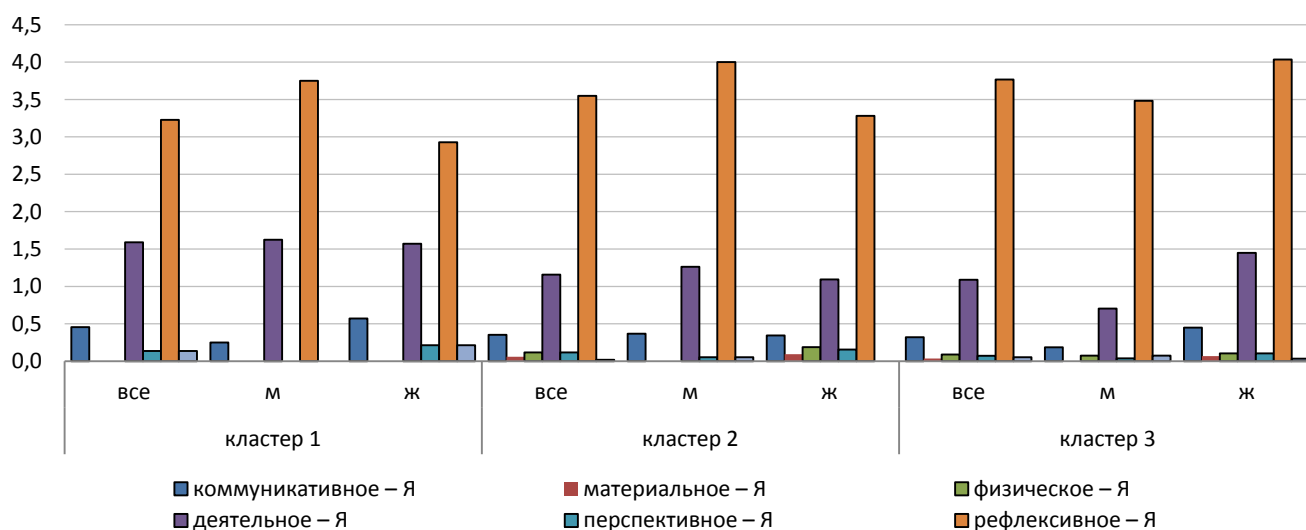

Рис. 2. Сводный график средних значений выраженности индивидуальных характеристик в выборке

свидетельствуют о том, что именно религиозные фанатики-мужчины наиболее подвержены десоциализации.

Семейная социальная роль в кластере 2 выражена больше, чем в кластере 3 ($U=1071,5$, при $p=0,026<0,05$); в кластере 1 она выражена больше, чем в кластере 3 ($U=323,5$, при $p=0,001<0,01$). Семейная роль в кластере 1 лишь на уровне тенденции превышает семейную роль в кластере 2 ($U=419$, при $p=0,088$). Это означает, что чем выше уровень религиозного фанатизма, тем слабее развита семейная социальная роль: очевидно, что религиозный фанатик большее значение придает религиозной борьбе, нежели семейным отношениям.

Обнаружено, что учебно-профессиональная роль в кластере 1 выражена больше, чем в кластере 3 ($U=410$, при $p=0,022<0,05$). Также в кластере 1 учебно-профессиональная роль на уровне тенденции преобладает над учебно-профессиональной ролью в кластере 2 ($U=406$, при $p=0,062$). Между кластером 2 и кластером 3 различий в освоении учебно-профессиональной роли нет ($U=1349$, при $p=0,622>0,05$). Тем не менее эти данные свидетельствуют о том, что чем выше уровень религиозного фанатизма, тем слабее развита учебно-профессиональная идентичность в Я-концепции личности. Это указывает на десоциализацию религиозного фанатика, на то, что социум и общественные отношения утрачивают для него ценность.

На следующем этапе исследовались индивидуальные характеристики описательной составляющей Я-концепции верующих. Обнаружено различие в выраженности показателей деятельного Я между кластером 1 и кластером 3 ($U=425$, при $p=0,034<0,05$). Из этого следует, что верующие с низким уровнем фанатизма чаще воспринимают свое Я в контексте какой-либо деятельности, чем верующие с высоким уровнем фанатизма. Верующие с высоким уровнем фанатизма реже описывают личные умения, знания, навыки, увлечения

и достижения. На наш взгляд, это может быть связано с обнаруженным выше снижением представленности учебно-профессиональной роли в их Я-концепции и свидетельствует о десоциализации лиц с высоким уровнем фанатизма.

Гендерных различий в выраженности индивидуальных характеристик в Я-концепции верующих не обнаружено.

Показатели эмоционально-оценочной составляющей Я-концепции респондентов были определены при помощи методики самоотношения С.Р. Панталева (первичные данные представлены на рис. 3).

В ходе математической обработки обнаружены гендерные различия по всей выборке в целом по показателям открытости ($U=1471,5$, при $p=0,008<0,01$), самоуверенности ($U=1388,0$, при $p=0,002<0,01$), внутренней конфликтности ($U=1447,5$, при $p=0,006<0,01$), близкое к значимому различие в самообвинении ($U=1648,5$, при $p=0,072$). Из этого следует, что женщинам больше, чем мужчинам, свойственна рефлексия, внутренняя конфликтность и самокритичность. Мужчины при этом более самоуверенны, чем женщины.

Анализ гендерных различий респондентов каждого кластера показал значимую разницу только в кластере 3 (самый высокий уровень фанатизма). Мужчины с высоким уровнем фанатизма менее способны осознавать значимую информацию о себе и выдавать ее окружающим, чем женщины ($U=174,5$, при $p=0,0001<0,01$), они более самоуверенны, чем женщины ($U=177,5$, при $p=0,0001<0,01$), для них более характерно представление о себе как об основном источнике активности ($U=245,5$, при $p=0,017<0,05$), они выше оценивают себя по критериям любви, духовности, богатства внутреннего мира ($U=237$, при $p=0,011<0,05$), для них характерны меньший уровень внутренней конфликтности ($U=95$, при $p=0,0001<0,01$) и самообвинения ($U=231,5$ при $p=0,009<0,01$).

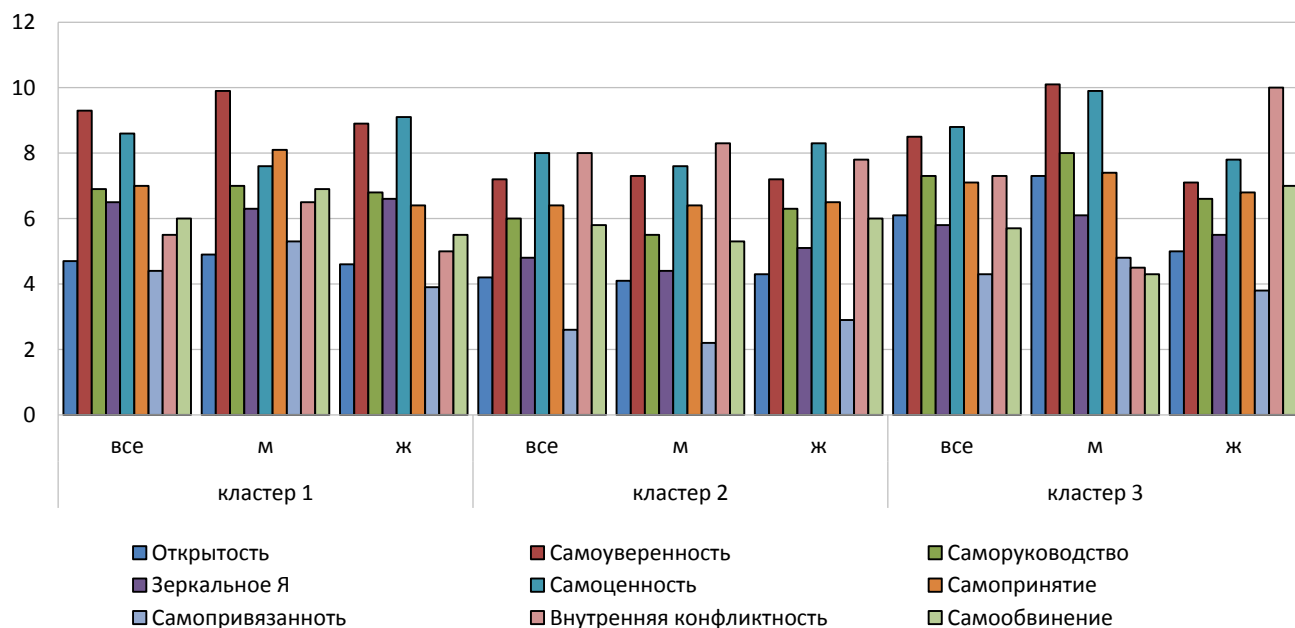

Рис. 3. Сводный график средних значений выраженности элементов эмоционально-оценочного компонента Я-концепции

Математическое сравнение эмоционально-оценочных компонентов Я-концепции между кластерами показало, что респонденты со средним уровнем фанатизма (кластер 2) менее самоуверенны ($U=367,0$, при $p=0,02<0,05$) и в большей степени ожидают негативное отношение к своей личности со стороны окружения ($U=366,5$, при $p=0,019<0,05$), чем лица с низким уровнем фанатизма (кластер 1). Также верующие со средним уровнем фанатизма менее привязаны к своему образу Я (большая готовность к трансформации) ($U=315$, при $p=0,003<0,01$) и характеризуются большей степенью внутриличностного конфликта ($U=362$, при $p=0,017<0,05$), чем лица с низким уровнем фанатизма.

Верующие со средним уровнем фанатизма (кластер 2) менее самоуверенны ($U=1097,5$, при $p=0,039<0,05$), менее привязаны к своему образу Я (более готовы к изменениям) ($U=915,5$, при $p=0,001<0,01$). Среди верующих со средним уровнем фанатизма прослеживается тенденция к большому ожиданию негативного отношения окружающих ($U=1127,5$, при $p=0,061$), чем среди верующих с высоким уровнем фанатизма (кластер 3). Таким образом, лица со средним уровнем фанатизма отличаются от верующих с высоким уровнем фанатизма почти по тем же самым показателям, что и от лиц с низким уровнем фанатизма.

Однако при сравнении кластера 2 и кластера 3 были найдены и новые отличия, не выявленные при сравнении кластера 2 и кластера 1. А именно: лица с высоким уровнем фанатизма менее способны к осознанию значимой информации о себе (показатели открытости или «внутренней честности»), чем лица со средним уровнем фанатизма ($U=810,5$, при $p=0,0001<0,01$). При этом для лиц с высоким уровнем религиозного фанатизма более характерны представления о себе как об основном источнике активности (показатели самоуправления) ($U=998$, при $p=0,007<0,01$).

Между верующими кластера 1 и кластера 3 было выявлено различие только по показателям открытости ($U=426,5$, при $p=0,035<0,05$). Таким образом, верующие с высоким уровнем фанатизма отличаются от верующих с низким уровнем фанатизма лишь тем, что они менее честны с самими собой, менее рефлексивны.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что верующие с низким и верующие с высоким уровнем фанатизма одинаково уверены в своей позиции и действиях, однако первые более критичны к себе, более осознанны и честны сами с собой. Верующие же со средним уровнем фанатизма отличаются неуверенностью и готовностью к изменениям, что, возможно, свидетельствует об их переходном статусе и будущей личностной трансформации. Поэтому именно для таких верующих психологическая профилактика фанатизма наиболее важна; с нашей точки зрения, она должна в первую очередь базироваться на психологической поддержке и помощи в самоопределении.

Меры психологической профилактики религиозного фанатизма в группе с высоким уровнем фанатизма будут, таким образом, отличаться от мер профилактики фанатизма в группе со средним уровнем фанатизма и должны быть направлены в первую очередь на развитие критического мышления и рефлексии.

Таким образом, каждый уровень религиозного фанатизма характеризуется особенностями эмоционально-

оценочной составляющей Я-концепции. Учитывая эти особенности, можно условно обозначить Я-концепцию религиозной личности с низким уровнем фанатизма как «уверенную честную», со средним уровнем фанатизма – как «неуверенную честную», с высоким уровнем – как «уверенную нечестную».

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

На основе полученных результатов можно сделать следующие выводы.

1. Мужчины и женщины в целом не различаются по общему уровню выраженности религиозного фанатизма и каждой из его составляющих (когнитивной, эмоциональной, поведенческой).

2. Мужчины с высоким уровнем религиозного фанатизма отличаются от женщин с высоким уровнем фанатизма большей выраженностью фанатического поведения, причем обеих его форм: как социального насилия, так и социальной изоляции.

3. С повышением уровня религиозного фанатизма в описательной составляющей Я-концепции верующих происходит сужение социального Я за счет снижения степени идентификации с семейной и учебно-профессиональной социальной ролью, что для мужчин более характерно, чем для женщин. Это может свидетельствовать о десоциализации религиозного фанатика, а в особенности о подверженности десоциализации религиозных фанатиков-мужчин.

4. С повышением уровня религиозного фанатизма в описательной составляющей Я-концепции респондентов общее количество индивидуальных характеристик сохраняется, однако верующие начинают все реже воспринимать себя в контексте какой-либо деятельности: описывают меньшее количество своих умений, знаний, навыков, интересов, увлечений и достижений. Это также может быть связано с десоциализацией религиозного фанатика, утратой им своей учебно-профессиональной роли.

5. Только у верующих с высоким уровнем религиозного фанатизма были обнаружены различия в показателях эмоционально-оценочного компонента Я-концепции у мужчин и женщин. Мужчины с высоким уровнем фанатизма менее способны осознавать значимую информацию о себе и выдавать ее окружающим, чем женщины; более самоуверенны, чем женщины; для них более характерно представление о себе как об основном источнике активности; они выше оценивают себя по критериям любви, духовности, богатства внутреннего мира и характеризуются меньшей степенью самообвинения и внутренней конфликтности.

6. Исходя из особенностей эмоционально-оценочного компонента своей Я-концепции, верующие с низким уровнем фанатизма характеризуется сравнительно большей степенью самоуверенности, слабо выраженным внутренним конфликтом, более частым ожиданием позитивного отношения со стороны окружающих. При этом они более рефлексивны и более честны с самими собой, чем лица с высоким уровнем фанатизма. Поэтому Я-концепцию религиозной личности с низким уровнем фанатизма можно условно обозначить как «уверенную честную».

7. Исходя из особенностей эмоционально-оценочного компонента своей Я-концепции, верующие со средним

уровнем фанатизма характеризуется сравнительно низкой самоуверенностью, большим ожиданием негативного социального отношения, большей готовностью к изменениям и внутренней конфликтностью, но при этом сравнительно высокой внутренней честностью. Данную Я-концепцию можно условно обозначить как «неуверенную честную».

8. Исходя из особенностей эмоционально-оценочного компонента своей Я-концепции, верующие с высоким уровнем фанатизма характеризуется сравнительно высокой самоуверенностью, большим ожиданием позитивного отношения со стороны окружающих, меньшей готовностью меняться. При этом для них характерно большее вытеснение информации о себе самих, то есть меньшая внутренняя честность. Такую Я-концепцию можно условно обозначить как «уверенную нечестную».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аттали Ж. Краткая история будущего. Мир в ближайшие 50 лет. СПб.: Питер, 2014. 288 с.
- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 422 с.
- Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005. 352 с.
- Мид Дж. Г. Избранное. Сборник переводов. М.: ИНИОН РАН, 2009. 290 с.
- Звягинцева О.В. Нетрадиционные религиозные сообщества // Актуальные проблемы социогуманитарного знания: сборник научных трудов кафедры философии МПГУ. Вып. XI. М.: Прометей, 2004. С. 100–105.
- Усатенко О.Н. Феномен жертвенности и его значение для психологической практики // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2016. № 1. С. 125–131.
- Хоффер Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений. Минск: ЕГУ, 2001. 200 с.
- Marimaa K. The many faces of Fanaticism // ENDC Proceedings. 2011. Vol. 14. P. 29–55.
- Firman J., Gila A. On Religious Fanaticism // Psychosynthesis Palo Alto. 2006. URL: psychosynthesispaloalto.com/pdfs/Religious_Fan.pdf.
- Parqament K.I., Lomax J.W. Understanding and addressing religion among people with mental illness // World Psychiatry. 2013. Vol. 12. № 1. P. 26–32.
- Wallerstein R.S. The talking cures: The psychoanalyses and psychotherapies. New Haven: Yale University Press, 1995. 128 p.
- Мазилев В.А. Воспитание свободной личности как противодействие терроризму и экстремизму // Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: Алеф, 2016. С. 212–221.
- Roberts L.W., Hollifield M., McCarty T. Psychiatric Evaluation of a “Monk” Requesting Castration // American Journal of Psychiatry. 1998. Vol. 155. № 3. P. 415–420.
- Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
- Губенко А.В. Вызов терроризма (Психологический анализ терроризма) // Практическая психология и социальная работа. 2001. № 1. С. 43–53.
- Исаева Э.Г., Сутаева А.Р. Профилактика негативных проявлений личности в процессе маргинализации сознания в современном мире // Стратегия и тактика противодействия вызовам экстремизма и терроризма в России на современном этапе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: Алеф, 2016. С. 26–32.
- Асмолов А.Г. Психология обыкновенного фанатизма // Век толерантности. 2001. № 1. С. 13–22.
- Яхьяев М.Я. Факторы воспроизводства экстремизма и терроризма в современной России: комплексный анализ // Исламоведение. 2016. Т. 7. № 3. С. 26–39.
- Маслов И.С. Сущность религиозного фанатизма // Социально-политические процессы в современном мире: взгляд молодых: материалы 3-ей студенческой научно-практической конференции. Воронеж: Отдел Воронежского филиала РАНХиГС, 2018. С. 105–109.
- Антонов К.М. От обыденного к священному: религиозное обращение и пути рационализации религии (феноменологические и психологические аспекты) // Психология религии: между теорией и эмпирикой. М.: Свято-Тихвинский гуманитарный университет, 2015. С. 75–86.
- Адлер А. Индивидуальная психология. СПб.: Питер, 2017. 256 с.
- Пантеев С.Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система. М.: Московский университет, 1991. 100 с.
- Арендчук И.В. Самоотношение в структуре самосознания подростков и юношей: динамика развития // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. № 4. С. 434–438.
- Румянцева Т.В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, 2006. 176 с.
- Пантеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
- Чернов А.Ю., Гусева Е.С. Изучение Я-концепции верующего как условие профилактики религиозного фанатизма // Безопасность социума: гуманитарный аспект коммуникаций современности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень: Тюменское высшее военно-инженерное командное училище, 2017. С. 786–793.
- Гусева Е.С. Гендерные аспекты индивидуальной религиозности // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2014. Т. 16. № 2. С. 329–332.

REFERENCES

- Attali Zh. *Kratkaya istoriya budushchego. Mir v blizhayshe 50 let* [Brief history of the future. The world in the next 50 years]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2014. 288 p.
- Berns R. *Razvitie Ya-kontseptsii i vospitanie* [Development I – concepts and education]. Moscow, Progress Publ., 1986. 422 p.
- Leontev A.N. *Deyatel'nost. Soznanie. Lichnost* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow, Smysl Publ., 2005. 352 p.

4. Mid Dzh. G. *Izbrannoe. Sbornik perevodov* [Favorites. Collection of translations]. Moscow, INION RAN Publ., 2009. 290 p.
5. Zvyagintseva O.V. Non-Traditional Religious Communities. *Aktualnye problemy sotsiogumanitarnogo znaniya: sbornik nauchnykh trudov kafedry filosofii MPGU*. Moscow, Prometey Publ., 2004. Vyp. XI, pp. 100–105.
6. Usatenko O.N. Phenomenon of Sacrifice and its Importance for Psychological Practice. *Gumanitarnye nauki (g. Yalta)*, 2016, no. 1, pp. 125–131.
7. Khoffer E. *Istinnoveruyushchiy. Mysli o prirode massovykh dvizheniy* [The True Believer. Thoughts on the nature of mass movements]. Minsk, EGU Publ., 2001. 200 p.
8. Marimaa K. The many faces of Fanaticism. *ENDC Proceedings*, 2011, vol. 14, pp. 29–55.
9. Firman J., Gila A. On Religious Fanaticism. *Psychosynthesis Palo Alto*. 2006. URL: psychosynthesispaloalto.com/pdfs/Religious_Fan.pdf.
10. Parqament K.I., Lomax J.W. Understanding and addressing religion among people with mental illness. *World Psychiatry*, 2013, vol. 12, no. 1, pp. 26–32.
11. Wallerstein R.S. *The talking cures: The psychoanalyses and psychotherapies*. New Haven, Yale University Press Publ., 1995. 128 p.
12. Mazilov V.A. Educating a free person as countering terrorism and extremism. *Strategiya i taktika protivodeystviya vyzovam ekstremizma i terrorizma v Rossii na sovremennom etape: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Makhachkala, Alef Publ., 2016, pp. 212–221.
13. Roberts L.W., Hollifield M., McCarty T. Psychiatric Evaluation of a “Monk” Requesting Castration. *American Journal of Psychiatry*, 1998, vol. 155, no. 3, pp. 415–420.
14. Olshanskiy D.V. *Psikhologiya terrorizma* [Psychology of terrorism]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2002. 288 p.
15. Gubenko A.V. The Challenge of Terrorism (Psychological Analysis of Terrorism). *Prakticheskaya psikhologiya i sotsialnaya rabota*, 2001, no. 1, pp. 43–53.
16. Isaeva E.G., Sutaeva A.R. Prevention of negative manifestations of personality in the process of marginalization of consciousness in the modern world. *Strategiya i taktika protivodeystviya vyzovam ekstremizma i terrorizma v Rossii na sovremennom etape: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Makhachkala, Alef Publ., 2016, pp. 26–32.
17. Asmolov A.G. Psychology of ordinary fanaticism. *Vek tolerantnosti*, 2001, no. 1, pp. 13–22.
18. Yakhyaev M.Ya. The factors of extremism and terrorism reproduction in contemporary Russia: comprehensive analysis. *Islamovedenie*, 2016, vol. 7, no. 3, pp. 26–39.
19. Maslov I.S. Socialist religious fanaticism. *Sotsialno-politicheskie protsessy v sovremennom mire: vzglyad molodykh: materialy 3-ey studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Voronezh, Otdel Voronezhskogo filiala RANKhiGS Publ., 2018, pp. 105–109.
20. Antonov K.M. From the ordinary to the sacred: religious conversion and ways to rationalize religion (phenomenological and psychological aspects). *Psikhologiya religii: mezhdru teoriey i empirikoy*. Moscow, Svyato-Tikhvinskiy gumanitarnyy universitet Publ., 2015, pp. 75–86.
21. Adler A. *Individualnaya psikhologiya* [Individual psychology]. Sankt Petersburg, Piter Publ., 2017. 256 p.
22. Pantileev S.R. *Samootnoshenie kak emotsionalno-otsenoch'naya sistema* [Self-relation as an emotional-evaluative system]. Moscow, Moskovskiy universitet Publ., 1991. 100 p.
23. Arendachuk I.V. Self-attitude in the structure of self-consciousness of teenagers and adolescents: the dynamics development. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 434–438.
24. Rumyantseva T.V. *Psikhologicheskoe konsultirovanie: diagnostika otnosheniy v pare* [Psychological counseling: diagnosis of relationships in a pair]. Sankt Petersburg, Rech Publ., 2006. 176 p.
25. Pantileev S.R. *Metodika issledovaniya samootnosheniya* [Methods of research of self-attitude]. Moscow, Smysl Publ., 1993. 32 p.
26. Chernov A.Yu., Guseva E.S. Study of the I-concept of a believer as a condition for the prevention of religious fanaticism. *Bezopasnost sotsiuma: gumanitarnyy aspekt kommunikatsiy sovremennosti: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem*. Tyumen, Tyumenskoe vysshee voenno-inzhenernoe komandnoe uchilishche Publ., 2017, pp. 786–793.
27. Guseva E.S. Gender aspects of individual religiosity. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy Akademii nauk. Sotsialnye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*, 2014, vol. 16, no. 2, pp. 329–332.

SELF-IDENTITY OF A PERSON WITH DIFFERENT LEVELS OF RELIGIOUS FANATICISM

© 2019

E.S. Guseva, senior lecturer of Chair of Social Psychology, postgraduate student
Academician S.P. Korolev Samara National Research University, Samara (Russia)
Volgograd State University, Volgograd (Russia)

A.Yu. Chernov, Doctor of Science (Psychology), Associate Professor, professor of Chair of Psychology
Volgograd State University, Volgograd (Russia)

Keywords: self-identity; religious fanaticism; gender peculiarities; social identity; self-conception; social behavior.

Abstract: It is impossible to solve the problem of efficient psychological prophylaxis of religious fanaticism without a comprehensive study of the psychological features of a fanatic religious person.

Today, the problem of religious fanaticism is important and significant what is proved by the numerous scientific papers and conferences on this topic. On the other hand, there are very few empirical studies aimed at the study of the personality and behavior of a religious devotee.

In our opinion, it is the description of self-identity of a fanatically-minded religious person which will help to explain the specificity of his or her cognitive and emotional sphere. And the most important is that self-identity, as the totality of all ideas of a person about itself, including the emotional self-assessment, is the main regulator of the motivational and behavioral sphere of a person.

The paper describes the empirical study of self-identity of a religious person with various levels of religious fanaticism. As a method of study of self-identity, the authors used M. Khun's test "Who am I?" and S.R. Pantileev's technique of study of self-attitude. The level of religious fanaticism is determined using the questionnaire of E.S. Guseva and A.Yu. Chernov. Men and women of Orthodox religion were the respondents of the study.

The results showed that with the increase of the level of religious fanaticism, the religious persons less and less identify themselves with the family and educational-professional social roles. It is more typical for men than for women. The higher the level of fanaticism is, the more rarely the religious people percept themselves in the context of any activity.

The determined features of the emotional and evaluative component of self-identity of religious people allowed describing three types of self-identity depending on the level of religious fanaticism. Self-identity of a religious person with a low level of fanaticism can be described as confident honest. Self-identity of a person with a middle level of fanaticism can be described as uncertain honest. Self-identity of a person with a high level of fanaticism can be described as confident dishonest.